

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИА-ОБРАЗЫ

Толерантность как основа политики достижения социального согласия

Александр АСМОЛОВ, профессор факультета психологии МГУ, научный руководитель Федеральной целевой программы "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе"

Начнем с вопроса, насколько толерантность является очередной утопией, очередным мифом. Действительно, иногда появляется ощущение бесполезности всего, что делаешь, но, вместе с тем, в последнее время неожиданно я начинаю замечать поддержку от тех, на кого раньше никогда не рассчитывал, - от идеологических противников толерантности. Потому что если появляются идеологические противники, если начинает развиваться антитолерантная идеология - значит, толерантность действительно представляет собой не только важную проповедь, но и реальную возможность развития событий. Противники толерантности заявляют, что толерантность предлагается сейчас обществу как опаснейшая идеология, прикрывающая реальные существенные проблемы. Так ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть несколько фактов.

Перед приходом к власти нынешнего президента социологи провели опрос, результаты которого не были опубликованы: что Вы ожидаете от нового лидера и что необходимо России - борьба за демократию, борьба с коррупцией и так далее. Обращаю внимание на саму постановку вопроса - мы не можем без борьбы. А люди отвечали, что главное, что необходимо России, - не борьба с коррупцией, не борьба за демократию. Главное - это борьба с инакомыслящими.

Мы должны понять истоки насилия. А главным истоком насилия нередко оказывается государство. И по сути дела, то государство, в котором мы существуем, все время, порой в силу устройства органа, ведет борьбу с гражданским обществом. Борьба государства и общества - это одно из колоссальнейших противоречий. Мы сосуществуем с государством, которое так или иначе то и дело работает репрессивными идеологическими методами управления. Тем самым мы делаем террор чуть ли не сакральным. Государственный террор у нас не считается террором. Мы ищем террор во всех странах мира, мы все время спрашиваем, где Бен Ладен, но не говорим о терроре со стороны государства. То есть, по сути, речь идет о социальной институализации террора, о социальной институализации агрессии. Мы имеем дело с системным явлением, которое так или иначе определяет все аспекты нашего поведения. В России восприятие жестокости, агрессии и насилия стало социальной нормой, стало обыденным явлением. Это вывод, который получен в результате мониторинга разных социальных групп, в том числе и СМИ, показывает: мы даже не заметили, что насилие стало реальностью. Мы спокойно относимся к насилию, мы приучены к тому, что насилие - это нормально. Государственный террор проецируется на идеологии разных партий. Все наши партии строятся по формуле "Против кого дружим?"

Сегодня, когда насилие стало государственной нормой, мы должны искать выход из этой ситуации. Мы должны понять, что сегодня есть несколько противоборствующих линий. Мы привыкли повторять вслед за Кипплингом: "Запад есть Запад, Восток есть Восток - и вместе им не сойтись", - тем самым давая идеологическую установку на конфликт Запада и Востока. Так было когда-то, но сейчас возникают новые полярности и новые оппозиции. Например, оппозиция, связанная с глобализацией, - это оппозиция "США - Европа", или "глобалисты - антиглобалисты". Под глобалистами и

антиглобалистами я имею в виду не людей, выходящих на демонстрации, а идеологов. Идеологи - это вовсе не слабые и не наивные люди. Вот цитата из статьи Жана Бодрийяра "Насилие глобализации": "Миссия Запада - или, скорее, экс-Запада - заключается в том, чтобы подчинить другие культуры хищническому закону равнозначности и эквивалентности под знаком борьбы за права. Культура, которая утратила свои ценности, может отыгаться на ценностях других..." Отсюда следует, что все культуры, которые индифферентны по отношению к Западу, начинают бороться с ним и наступают на культуры высокой четкости. То есть когда мы воюем с фундаментализмом и объявляем террористом каждого, кто не принимает так называемых общечеловеческих ценностей - что за этим стоит? Это очень опасная тенденция. Если ты представитель Талибана - ты изначально должен быть уничтожен, потому что ты не любишь телевизор или ты носишь паранджу.

С 11-го сентября 2001 года мир начал жить в предчувствии будущей угрозы. Травма остается болезненной и неизлечимой не потому, что она была в прошлом, а потому, что она исходит из будущего. Проецирование в будущее перманентной травмы - вот та ситуация, в которой сегодня оказалось человечество. Мы об этом не думаем, поскольку имеем мощные механизмы психологической защиты, но травма нанесена не Штатам, не Европе. По сути, после 11-го сентября мир живет в предвосхищении нового потока травм. Травма рождает травму. Этот поток приводит к тому, что агрессия прорывается то тут, то там. Поэтому супернаивны попытки бороться с агрессией с помощью бомбардировок.

Если посмотреть палестинскую, например, прессу, то можно увидеть, что она внушает людям, кто главный враг, кого надо уничтожать. И в результате появляется "хомо ксенофобикус" - то, что иногда называется термином "патриот". Когда "хомо ксенофобикус" выращивается шаг за шагом - мы видим стратегию развития интолерантности, стратегию формирования агрессивных установок, стратегию когнитивно простого мира: есть враги - есть свои. Мы постоянно сталкиваемся с разделением мира на такую когнитивную простоту. И поэтому формирование установок толерантного сознания крайне важно. Толерантность то и дело переводят как терпимость. Терпимость - это крайний случай толерантности. Но в словаре Даля есть замечательное слово - терпеливость. В отличие от терпимости, терпеливость по Далю означает спокойствие, рассудительность и - главное - великодушие. И насколько правильна пословица "Глупый осудит, а умный рассудит". По сути дела, осуждение, агрессия - это признак когнитивно простых реакций.

Если для западной традиции толерантность - это открытость сознания, это способность принятия Другого, признание права на инаковость (а не борьба с инакомыслием), то в российской традиции - это широта души, великодушие, величие души.

Когда мне сегодня говорят, что я занимаюсь утопией, я отвечаю, что люблю утопии, тем более что сегодня утопия стала государственной программой. Государство может изменить свои формы. Возможно понимание государства не как аппарата репрессий и насилия, но понимание государства как органа диалога. И если произойдет переход от государства как структуры, работающей жесткими методами, к государству как толерантному органу, тогда есть шанс уйти от государственного террора. Искусство диалога, искусство переговоров, искусство поиска компромисса в критических, конфликтных ситуациях - это та линия, которая может вывести из многих тяжелых ситуаций.